

ненія, по поводу разныхъ случайностей, выйдетъ для преобладанія надъ христіанскимъ міромъ самовластительство разума, вѣрящаго только себѣ самому.

Имуща главъ семь и роговъ десять, и на розѣхъ его вѣнецъ десять, и на главахъ его имена хульна; число головъ и роговъ у звѣря то же, какъ и у змія, въ предъидущей главѣ, только увѣнчаны у змія головы, а у звѣря рога; а головы отмѣчены только «именами богохульными». Что же это значитъ? Общее значеніе семи головъ и десяти роговъ у враговъ Церкви и Христа уже разъяснено у насъ выше (въ изслѣд., XII, 3): семь головъ отрицаютъ силу каждаго изъ семи очей и роговъ Агнца—таинствъ и даровъ Христовой благодати, а десять роговъ противоборны десяти заповѣдямъ Божія Закона. Это общее значеніе христовраждебныхъ головъ и роговъ слѣдуетъ только приложить къ особому, извѣстному уже намъ, значенію звѣря;—и тайна головъ и роговъ звѣря достаточно разъяснится для насъ.—Тогда какъ лживый духъ папства, направляясь противъ возглавленія вѣры и Церкви въ одномъ Самомъ Господѣ, соотвѣтственно этому извращаетъ седмичныя начала и способы Его благодати и именно чрезъ это достигаетъ преобладанія надъ обольщаемыми христіанами: невѣрующій Христу, а вѣрующій только въ себя самого разумъ совсѣмъ подрываетъ или богохульно отрицаетъ эти начала и способы Христовой благодати. И вотъ семь христовраждебныхъ головъ этого звѣрообразнаго разума обозначаются только богохульными именами, тогда какъ онѣ у лживаго папистическаго духа вѣнценосны или властительствуютъ. Но вся властительная или заправляющая сила самообожяемаго разума состоитъ собственно въ его требованіяхъ и притязаніяхъ, противящихся Божіей и Христовой правдѣ. Таковы требованія и притязанія этого звѣровиднаго разума, чтобы люди только его признавали за верховное для себя начало,—что всякое посягательство на такое абсолютное значеніе человѣческаго разума есть служеніе какому-нибудь кумиру,—что святыня боготворимаго разума должна быть для всѣхъ неприкосновенна,—что, только этимъ разумомъ признанные, авторитеты важны и обязательны для людей,—что только этотъ разумъ опредѣляетъ права личности, чести и собственности людской, правоту взаимныхъ человѣческихъ от-

ношеній и расположеній. Эти десять роговъ звѣря, подлинно, вѣнценосны, какъ заправители всего дѣла обоготворенія разума, властвующіе надъ его поклонниками.

Звѣрь, егоче видѣхъ, бѣ подобенъ рыси, и нозѣ ему, яко медвѣдю, и уста его, яко уста львова (ст. 2). Рысь, или барсъ, при своей свирѣпой лютости, по которой высасываетъ изъ своей жертвы кровь, отличается еще легкостію, быстротою и хитростію; по самой внѣшности онъ очень красивъ своей пестротой и, по свидѣтельству Аристотеля, (Probl. Sect. 13, 4), привлекаетъ другихъ животныхъ, на жертву своей свирѣпости, особенно пріятнымъ своимъ запахомъ; по замѣчанію Аристотеля же и Плинія (Natur. Hist. L. X, с. 37 et L. XII, 17), этотъ звѣрь очень любострастенъ. Итакъ, если самообожженный и невѣрящій ничему, кромѣ себя самого, разумъ является подобенъ барсу: то это значитъ, что этому лжеименному разуму свойственна такая духовная свирѣпость, съ которою онъ потребляетъ всю духовно-нравственную жизненность въ человѣкѣ, и что, между тѣмъ, онъ весьма обольстителенъ по своему виду и вліянію.

Медвѣдю свойственны обжорливость, сластолюбіе, винолюбіе, вообще, инстинктивное потворство животной чувственности, и притомъ не только въ грубыхъ обнаруженіяхъ онаго, но и въ болѣе утонченныхъ; напр., медвѣдь любитъ гармонію звуковъ. И такъ, если *нозѣ* у звѣровиднаго разума — *яко у медвѣдя*: то это значитъ, что совершенно въ духѣ самообожжаемаго разума — пристрастіе къ грубымъ и утонченнымъ чувственнымъ наслажденіямъ, какъ и вообще отчужденіе всякихъ услажденій отъ Христа и Его Духа. Выразить то же подробнѣе: со вѣмъ усердіемъ заботиться о гастроніи, тѣшить всячески свою чувственность, не по Христу удовлетворять самыя ея потребности, не по Христу развивать всю эстетическую сторону образованія, — значитъ, поступать именно по направленію и образу этого чудовищнаго звѣря, у котораго ноги подобны медвѣжьимъ; подобныя утѣхи чувственности и нехристіанскіе успѣхи эстетическіе звѣровиднымъ разумомъ вводятся въ духъ общественный, какъ необходимыя условія и спутники умственного развитія.

Левъ, царь звѣрей, отличается грознымъ величіемъ и силою. *Посему уста, яко львова* въ отношеніи къ обоготворен-

ному человѣческому разуму, дѣйствующему особенно хульными устами (ст. 5), указываютъ на то, что этотъ разумъ будетъ поражать гордою величавостію, силою и, безпощадною для противящихся ему, грозю своего хульнаго слова. Вообще, «пасть, какъ бы львиная» указываетъ на странное губительство звѣровиднаго разума, разверстое какъ-бы пасть льва, ищущаго кого поглотить. Значеніе чудовищнаго вида этого духовнаго звѣря еще глубже можно раскрыть при сличеніи Апокалипсическаго видѣнія съ Давидовымъ видѣніемъ, изображеннымъ въ VII гл. пророчественной его книги. Пророкъ Даниилъ видѣлъ (VII, 4—6) звѣрей, исходящихъ изъ моря: *львицу* (съ евр. просто «льва»), *медвѣдицу* (евр. просто «медвѣдя») и *рысь* или «барса» и еще какого-то страшнаго звѣря съ десятию рогами, особенно съ Богохульнымъ, преобладающимъ надъ святыми, рогомъ; подобно какъ въ разсматриваемомъ нами видѣніи Іоаннъ узрѣлъ десятирогаго — же звѣря, также, изъ моря, исходящаго, и въ своемъ видѣ представляющаго сходство съ *рысью*, уста *яко львова*, ноги *яко медвѣдю*, и притомъ Богохульнаго и превозмогающаго самихъ святыхъ. По сличенію того и другого видѣнія нельзя не примѣтить, что въ Апокалипсическомъ звѣрѣ совокуплены въ одинъ чудовищный образъ различные звѣри, видѣнные Давидомъ. И такъ видно, что пр. Даниилъ, созерцая въ образѣ означенныхъ звѣрей цѣлый рядъ преобладавшихъ надъ Ветхозавѣтною Церковію языческихъ царствъ, прозиралъ въ Боговраждебномъ ихъ духѣ уже предъявляемаго духовнаго преобладателя и опустошителя временъ христіанскихъ, какимъ открылся самообольщенный разумъ, ясно провидѣнный Іоанномъ въ Апокалипсисѣ; подобно какъ и тайнозритель Іоаннъ созерцая въ образѣ чудовищнаго звѣря духовное преобладаніе въ Христіанскомъ мірѣ мятежнаго противъ Христа разума, — видѣлъ и изобразилъ возобновеніе въ немъ Боговраждебнаго духа тѣхъ языческихъ царствъ, къ которымъ относилось видѣніе Даниилово ¹⁾. Такимъ образомъ преобладаніе надъ христіа-

¹⁾ Существенное различіе между Давидовымъ и Іоанновымъ видѣніями опредѣляется различіемъ между Ветхозавѣтнымъ и Новозавѣтнымъ воззрѣніемъ. Даниилъ, смотрящій на враговъ Церкви и Бога съ точки чувственнообразнаго ветхозавѣтнаго воззрѣнія, видитъ извѣстныя царства и царей ихъ. Іоаннъ по силѣ того новозавѣтнаго воззрѣнія, что

нами невѣрующаго во Христа, а присвояющаго себѣ абсолютныя права и независимую самостоятельность разума оказывается, во свѣтѣ Божественнаго откровенія, столь страшно-погибельнымъ, что его предуказывали еще и Ветхозавѣтные пророки, что въ немъ возобновляется и вполнѣ раскрывается языческій духъ цѣлаго ряда преобладавшихъ надъ Израилемъ почти всемірныхъ царствъ, каковы—Вавилонское, Мидо-Персидское и Греко-Македонское, и такого Боговраждебника, каковъ Антиохъ Епифанъ изъ Сиро-Египетскаго владычества надъ Израилемъ.

И во-первыхъ *звѣрь* этотъ бѣ подобенъ *рыси* или барсу, который въ ряду Даниловыхъ звѣрей занимаетъ третіе мѣсто и знаменуетъ царство Греко-Македонское. Замѣчательно, что отъ прочихъ звѣрей, видѣнныхъ Даниломъ, занимаются для Апокалипсическаго звѣря только нѣкоторыя частныя принадлежности какъ то: уста или ноги, а барсу Еллинизма уподобляется звѣровидный разумъ въ общемъ своемъ составѣ или видѣ. Отсюда видно, что духъ Еллинскій, такъ блистательно выразившійся въ Александрѣ Македонскомъ, ученикѣ философа Аристотеля, соревнователѣ Гомерову Ахиллесу, — наиболѣе долженъ быть свойственъ преобладанію вѣрующаго только въ себя самого человѣческаго разума. Сказать то же другими словами: когда Тайнозритель уподобляетъ звѣровидный разумъ *рыси* Еллинскаго преобладанія надъ Израилемъ; то этимъ онъ выражаетъ, что своевольный и вольномысленный Еллинскій духъ по преимуществу возобновится и раскроется въ обоготворенномъ разумѣ, имѣвшемъ преобладать въ мірѣ христіанскомъ.

Далѣе по Іоаннову изображенію звѣровиднаго разума, *нозѣ* ему яко *медвѣдю*, а подъ образомъ медвѣдя разумѣется, въ Даниловомъ видѣніи, царство Мидо-Персидское, отличавшееся роскошью и изнѣженностію. Посему уподобляя ноги Апокалипсическаго звѣря ногамъ медвѣдя, Тайнозритель въ такомъ образѣ прозрѣвалъ и выражалъ то, что, въ христіан-

---

часть наша брань къ плоти и крови, смотреть не на чувственныя царства и на чувственныя личности царей, а на тотъ или другой Христо-враждебный духъ времени съ духовными же его рогами и головами. Онъ, когда имѣетъ надобность указать и на извѣстный народъ или державу, беретъ ихъ собственно въ духовной силѣ и значимости. См. XI, 8, XII, 5 и друг.

скія времена, обожающей себя самого человеческій разумъ повторить въ поступкахъ или нравахъ общественныхъ чувственную изнѣженность и роскошество древнихъ Персовъ. Затѣмъ, по Апокалипсическому изображенію звѣровиднаго разума, *уста его яко уста львова*. А подѣ образомъ льва у Даниила разумѣется Вавилонское владычество надъ Израилемъ, подѣ которымъ Іудеи оказались изгнанными изъ своего отечества—Земли обѣтованной и плѣнниками язычниковъ. Посему, уподобляя горделивыя и богохульныя (5 ст.) уста звѣрообразнаго разума устамъ львовымъ, Откровеніе этимъ выражаетъ слѣдующее: присвояющей себѣ неограниченныя права и безусловную самозаконность, разумъ человеческій чрезъ свое высокоумное слово будетъ изгонять христіанъ изъ истиннаго ихъ отечества, Царства Христова, — будетъ осквернять и разрушать въ ихъ сердцахъ и умахъ святилище вѣры и благодати, будетъ дѣлать ихъ плѣнниками заблужденій и пороковъ, *волю языческую творящими* (см. I Петр. 4: 3). Наконецъ превозможеніе надѣ святыми и хула надѣ всѣмъ священнымъ раскрываютъ въ Боготворимомъ разумѣ духъ ветхозавѣтнаго антихриста Антиоха Елпифана. И такимъ образомъ этотъ духовный звѣрь повторить и раскроетъ въ себѣ духъ и силу—и Сироегипетскаго, и Еллинскаго, и Персидскаго преобладанія надѣ Церковію, равно и духъ Вавилонскихъ завоевателей и опустошителей Земли обѣтованной, духъ халдейской тиранніи надѣ плѣннымъ Израилемъ: именно—глотающую души гордыню Вавилона, подавляющую чувственность персидскую, тщеславный блескъ еллиназма, злокозненность сироегипетскую.

И даде ему змій силу свою, и престолъ свой, и область великую (ст. 2). Этого мѣста мы уже касались, опредѣляя общее значеніе изображаемаго здѣсь звѣря. Подѣ змиемъ разумѣется сатанинскій дѣхъ притязанія на равно-Божественное достоинство, внесшій свое обольщеніе и въ духовно-райскую область христіанства, и именно раскрывшійся въ папствѣ. Посему *сила и престолъ*, принадлежащіе этому змію, знаменуютъ развитое собственно княземъ міра—духомъ лжи высокоумѣрное и могущественное преобладаніе папства надѣ Западнымъ христіанствомъ, доголѣ бывшее въ духѣ времени, а теперь уступаемое папствомъ самообоготворенному разуму. Сказать то же иначе: доселѣ былъ на Западѣ господ-

ствующимъ духомъ времени духъ папства, а теперь уже вѣра въ человѣческій разумъ становится господствующимъ на Западѣ духомъ. А такъ какъ и сила послѣдняго зависѣла отъ того же сатаны и слѣдовала тому же сатанинскому направленію самообожанія, духъ котораго раскрывался и папствомъ, то сказано: *даде ему змій силу свою и престолъ свой, и область великую*. Общій смыслъ мѣста слѣдующій: сатанинскій духъ превозношенія и верховной самозаконности, раскрывшійся въ притязанія и заблужденія папства и воспреобладавшій надъ Западнымъ христіанствомъ, теперь уступаетъ это свое направленіе, свою силу, свое преобладаніе на христіанскомъ Западѣ — новому. Боговраждебному духу времени, именно — обоготворенію разума человѣческаго, или самовластительству его, какъ самоверховнаго распорядителя и обладателя истины; и этотъ духовный новый врагъ вѣры и Церкви, по дѣйствию того-же древняго змія—дѣвола, который въ папствѣ вторгся въ область самыхъ вѣрованій въ Западномъ христіанствѣ, — имѣлъ получить здѣсь обширное и могущественное, въ заправленіи міромъ, вліяніе и значеніе, — *область великую*. Впрочемъ, духъ лжи папства могъ *дать звѣрю* боготворимаго разума *силу свою и престолъ свой и область* (власть) *великую* отчасти и въ томъ смыслѣ, что отселѣ самые интересы и притязанія папства имѣли поддерживаться въ Римскомъ католициствѣ, можетъ быть, также уже не столько искренностію религиозною, убѣжденіями вѣрованія, хотя ложнаго, сколько усилями и хитростями увѣреннаго только въ себѣ самомъ разума.

И видѣхъ едину отъ главъ его яко заколену въ смерть (3 ст.). Изъ дальнѣйшаго (14 ст.) видно, что эта глава звѣря имѣла язву именно отъ меча: *имать язву оружію, τὴν πληγὴν τῆς μαχαίρας*, „язву отъ меча“. Но мечъ, поражающій все боговраждебное (къ каковой области относится изображенный здѣсь звѣря), есть именно Слово Божіе, какъ объясняетъ это Апостоль Павель въ двухъ своихъ посланіяхъ (Еф. 6: 17 и Евр. 4: 12). Выше (именно при изъясненіи 1-го стиха) мы видѣли, что самообожаніе человѣческаго разума возникло на христіанскомъ Западѣ, оначала вмѣстѣ съ направленіемъ вниманія собственно Слово Божію, только безъ дѣятельной ему покорности. И такъ, по видѣнію Іоан-

нову, вѣрующій въ себя разумъ, управляя' духомъ времени или лучше становясь самъ господствующимъ духомъ времени, сначала имѣлъ еще допускать хоть сколько-нибудь авторитетъ слова Божія, а такъ какъ Слово Божіе смертно для подобнаго лжеименнаго разума, поражая его подобно обоюдоострому мечу, то звѣровидный разумъ, на сколько не совѣмъ еще отвергалъ авторитетъ Слова Божія, въ этомъ отношеніи (или въ этой своей главѣ) и долженъ имѣть какъ-бы ¹⁾ смертельную язву отъ меча. Можно объяснить и то, какая именно голова звѣря была *яко заколена въ смерть*. Сказано Тайнозрителемъ объ этой головѣ: *видѣхъ едину отъ главъ*. Но напомнимъ себѣ изъ прежнихъ изслѣдованій, что, по слововыраженію въ Новомъ Завѣтѣ и у самого Тайновидца (взятому еще изъ Ветхаго завѣта, см. Быт. I, 5), *единымъ* считается именно первый. Такъ *едина отъ субботъ* или одинъ день отъ субботы есть первый день отъ нея или за'нею. Такъ и въ Апокалипсисѣ *едина отъ четырехъ животныхъ* (VI, 1), означаетъ перваго изъ нихъ (сл. 3. 5. 7). Мы кромѣ того двукратно видѣли прежде, какъ названіе *единого отъ старецъ*, въ смыслѣ перваго изъ нихъ, оправдывалось самымъ существомъ предмета и связію рѣчи (см. V, 5, VII: 13—14). Всего этого достаточно для удостовѣренія, что *едина отъ главъ* звѣря есть первая изъ нихъ, богохульно отрицающая именно самый первый и основной опособъ и даръ Христовой благодати — силу крещенія. Въ самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ благодать крещенія въ христіанахъ привести въ совершенное бездѣйствіе по видимости не могъ своимъ отрицаніемъ и невѣріемъ разумъ, вѣрующій въ самого только себя, но все же признающій, хотя и по своему понимающій, слово Божіе. Поклонники разума, хотя только по крещенію, могли еще быть христіанами.

И язва смерти его исцѣлѣ, и чудися вся земля въ слѣдъ звѣря. Изъ раскрытаго значенія видимой смертельной язвы новаго духа времени объясняется уже само собою то, что значить исцѣленіе этой смертельной язвы, поразившее всю землю удивленіемъ къ звѣрю. Тайнозритель прозрѣвалъ,

¹⁾ Сказано: „какъ-бы“, *яко заколену въ смерть*; потому что признаніе авторитета слова Божія, безъ дѣятельной покорности ему, не даетъ мѣста рѣшительно воздѣйствію Слова Божія.

что Боготворимый разумъ, сначала хотя одною изъ своихъ горделивыхъ Богохульныхъ головъ преклонявшійся подъ мечъ Слова Божія, не замедлилъ стать въ совершенной независимости отъ Слова Божія, и такимъ образомъ та глава этого звѣря, на которой онъ имѣлъ какъ бы смертельную рану отъ меча Слова Божія, выпрямится на ряду съ другими горделивыми его началами. Это самое, довершая отступничество отъ Христа христіанъ—обожателей разума, совѣмъ обезсиливая чрезъ ихъ невѣріе благодать самаго ихъ крещенія, и даетъ этому звѣрю раскрыть всю обширность своей лживой державы и силы на удивленіе послѣдователей его изъ всего міра. !

И язва смерти его исцѣлѣтъ, и чудися вся земля во слѣдѣ звѣря ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, гордая независимость разума человѣческаго отъ Слова Божія тѣмъ удивительнѣе должна быть для міра, что, прежде настоящаго Боговраждебнаго духа времени, сама обожаящая себя гордыня закрывалась видомъ религіи и Церкви Христовой (говоримъ о папствѣ) и самая вѣра въ разумъ человѣческой открылась вначалѣ съ направленіемъ внимать Слову Божію, только безъ дѣятельной ему покорности. Указаніе *на землю*, знаменующую особенно область гражданскихъ порядковъ ²⁾, даетъ примѣтить, что благоговѣніе къ разуму отзовется прежде всего въ политическомъ мірѣ, — какъ и естественно, чтобы политика, издревле претендующая на право быть хитрою на козни лисицею, скорѣе всего почуяла и признала, въ восторженномъ удивленіи, своего передоваго вождя въ разумѣ, не хотящемъ знать никого и ничего выше себя самого.

И поклонишася змѣю, иже даде область звѣрю. Казалось, что человѣческой разумъ, открыто превозносясь надъ самимъ Божественнымъ Откровеніемъ, имѣлъ быть началомъ, совершенно противоположнымъ папству, — какъ, и дѣйствительно, долженъ быть разрушительнымъ для громаднаго зданія папства на Западѣ. Однако, по откровенію Іоанна Богослова, духъ папства еще будетъ имѣть своихъ поклон-

¹⁾ Тайнозритель говоритъ не безотносительно *всей земли*, но насколько она увлечалась *во слѣдѣ звѣря*. *Во слѣдѣ звѣря бліσω тоѹ θηρίου*, сзади звѣря: земля дивилась звѣрю, видно, какъ своему передовому.

²⁾ (См. изслѣдованіе VIII гл.).

никовъ. Да и обожая свой разумъ, вѣруя въ его безусловное самовластительство, люди чрезъ это самое стали рабами и поклонниками того же самовозносливаго духа, какимъ одушевлялся самозванный глава Церкви: теперь каждый изъ нихъ становился для себя и хотѣлъ бы быть для другихъ — папою.

И поклонишася звѣрю, глаголюще: кто подобенъ звѣрю? и кто можетъ ратоватися съ нимъ (ст. 4) Въ такомъ поклоненіи звѣрю, съ исповѣданіемъ высочайшаго его превосходства надъ всѣмъ и невозможности противоборствовать ему, исполнѣнъ выражается обоготвореніе человѣческаго разума. Ибо поклоненіе подобаеъ Единому Богу; предъ Единымъ Всевышнимъ благо и истинно есть исповѣдаться: *«кто подобенъ Тебѣ, Господи? Аще Богъ по насъ, кто на ны?»* Чтобы сказать подобное о разумѣ человѣческомъ надобно дойти до безумія — не только въ сердцѣ, но и открыто говорить: *нѣсть Богъ*. И такъ послѣдователи звѣрообразнаго разума, поклоняясь ему съ безумнымъ исповѣданіемъ высочайшаго его достоинства, чрезъ это уже отрицали бытіе или державу истиннаго Божества, признавая собственно человѣческой разумъ верховнымъ правителемъ дѣлъ и судебъ человѣческихъ, царемъ и судіею истины, единственнымъ началомъ знанія, добра и счастья для человѣковъ.

И даны быша ему уста глаголюща велика и хульна, и дана бысть ему область творити мѣсяцъ четьредесять два (ст. 5). Въ качествѣ высочайшаго правителя въ мірѣ, какимъ признанъ человѣческой разумъ поклонниками его, этотъ звѣровидный врагъ и вооружается такимъ словомъ, которое выражаетъ величавые приговоры всему и въ особенности хулы противъ всего Божественнаго. Впрочемъ, такое самовластительство слова и дѣятельности, — какъ бы такъ говорилъ Тайнозритель, — воспріялъ человѣческой разумъ. никакъ не будучи въ состояніи выйти самъ изъ-подъ Божественной державы, всѣмъ управляющей, спасающей благопокорныхъ и вѣрующихъ, а не имѣющимъ любви къ истинѣ *посылающей дѣйство лести, во еже взрвати имъ лжи: посылающей дѣйство лести, во еже взрвати имъ лжи: да судъ примутъ вси таковыя, не взрвавшіи истиннъ, но благоволившии въ неправдѣ* (2 Сол. II, 10—12). По предначертаніямъ и распоряженіямъ собственно Божественной державы, дано или допущено обоготворенному человѣческому

разуму проявить себя въ горделивомъ и богохульномъ словѣ, съ назначеніемъ для его преобладанія строго-опредѣленнаго срока: *даны быша ему уста глаголюща велика и хульна, и дана бысть ему область творити мѣсяцъ четьрѣдесять и два. Даны быша, дана бысть,—къмъ? Очевидно,—Вседержителемъ, Который, по неизслѣдимой премудрости, и самихъ мятежниковъ заставляетъ служить цѣлямъ собственнаго Его Царства, Который положилъ единственно въ Своей власти времена и сроки (Дѣян. 1, 7). Мѣсяцъ четьрѣдесять и два или „три года съ половиною“: такое продолженіе Апокалипсическаго времени, назначенное для преобладательной дѣятельности этого звѣря обнимаетъ (какъ было показано выше изъ неоднократнаго сличенія Апокалипсиса съ исторіей) историческаго времени около трехъ съ половиною столѣтій. Примѣчательно и знаменательно, что таинственный срокъ *трехъ лѣтъ съ половиною* уже нѣсколько разъ повторенъ въ Апокалипсисѣ, будучи назначаемъ равно для дѣйствій и благодати, и духовнаго зла (см. XI 1—2; XII 6. 14). Въ Ветхомъ Завѣтѣ встрѣчается также этотъ срокъ (Дан. VII, 25; XII 6—12). Тайна этого срока можетъ быть съ достовѣрностію объяснена изъ того, что Господь проходилъ на землѣ Свое общественное крестоносное служеніе именно *около трехъ годовъ съ половиною*, вынося самъ на Себѣ грѣхи міра и чрезъ это побѣждая духовное зло Своею благодатію. Духъ и сила этого и выражаются въ назначеніи такого-же срока для разныхъ проявленій духовнаго зла и побѣдоносной надъ нимъ благодати. Именно: злу дается дѣйствовать съ преобладаніемъ лишь настолько, насколько уже оно поднято и вынесено Спасителемъ и тѣмъ осуждено къ упраздненію своему; столько и благодать дѣйствуетъ, сколько Господь открылъ ее въ Себѣ.*

И отверзе уста своя въ хуленіе къ Богу, хулити имя Его и селеніе Его, и живущія на небеси (ст. 6). Къ хуленію на Бога относятся, безъ сомнѣнія, не только наглое злословіе, изрыгаемое невѣріемъ и злобою противъ Всевышняго, но и всякое возношеніе *взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. X, 5). Подъ *селеніемъ* или жилищемъ Божіимъ разумѣется не только царство славы, но и царство благодати или Христова Церковь, по Апостольскому свидѣтельству: *Егоже домъ мы есмь* (Евр. VII, 6). Равно и *живущіе на небеси* суть не

только *тмы Ангеловъ или души праведникъ совершенныхъ*, но и *приступившіе къ Иерусалиму небесному* чрезъ вѣру во Христа и *святыхъ таинства* (Евр. XII, 22). Итакъ преданный духу гордыни и Боготворимый *человѣческій разумъ* не замедлилъ, какъ скоро было ему дано или поущено отъ Бога, — открыто возстать противъ Бога и Божественной истины словомъ суемудрія, невѣрія и наглої кулы. Царство открытой Славы Божіей на небеси, царство Божіе на землѣ, святые Ангелы, прославленные праведники, всѣ истинно-вѣрующіе во Христа — вообще все священное въ христіанствѣ — представляло лжеименному разуму предметъ и цѣль или прямого злословія, или зломысленнаго перетолкованія и ниспроверженія.

И дано бысть ему брань творити со святыми и побѣдити я; и дана бысть ему область на всякомъ колѣнѣхъ (людей) и на языцехъ и племенехъ. И поклонятся ему вси живущи на земли, чмже не написана суть имена въ книгахъ животныхъ Агнца, закланнаго отъ сложенія міра (ст. 7—8). Мѣсто весьма примѣчательное. Изъяснимъ его до подробностей.

И дано бысть, и дана бысть: значеніе этихъ выраженій раскрыто выше (при объясненіи 5 ст.). Такъ выражается именно то, что столь обширное и преобладающее дѣйствіе Боговраждебной лжи, какое изображено въ семъ мѣстѣ, поущено по нарочитому предначертанію и распоряженію Вседержителя — въ наказаніе не имѣющихъ вѣры и любви къ спасительной истинѣ, и *благволящихъ въ неправдѣ*. Святими въ Новомъ Завѣтѣ называются вообще христіане, какъ посвященные Богу дѣятельною вѣрою и освященные Его благодатію (см. Іуд. 1; Рим. I, 7; 1 Кор. I, 2 и т. д.), подобно какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ народомъ святымъ назывался вообще Израильскій народъ, прообразовавшій Новаго Израиля — христіанъ. Посему брань звѣря со *святыми* означаетъ вообще противоборство лжеименнаго разума христіанству, усилія этого врага поколебать св. Церковь, подорвать вѣру христіанъ. Что впрочемъ побѣда звѣря надъ святыми означаетъ отнюдь не одолѣніе Церкви и вѣры невѣрующимъ разумомъ, прямое удостовѣреніе въ томъ находится (кромѣ непреложнаго обѣтованія Спасителя о Церкви: *и врата адава не одолѣютъ ей*) далѣе въ самомъ Апокалипсисѣ. Такъ вслѣдъ за настоящимъ изображеніемъ преобладанія звѣрообразнаго разума Тайноаритель говоритъ (ст. 10): *Здѣ есть терзніе и*

вѣра святыхъ; а ниже послѣ указанія на новаго звѣря, служащаго всеувлекающимъ провозвѣстникомъ Боготвореннаго разума, т. е. на антихристіанскую литературу Запада, Іоаннъ Богословъ, дѣлаетъ новое подобное замѣчаніе: *Здѣ мудрость есть* (ст. 18). Это значитъ, что, и во время преобладанія лжеименнаго разума, *вѣра святыхъ* должна продолжаться, торжествуя надъ этимъ врагомъ *терпѣніемъ*, и, къ посрамленію лживой мудрости, въ средѣ развитія ея должна раскрывать предъ міромъ свой свѣтъ, все уясняющій, и истинная Христова или Христу сообщная *мудрость*. Итакъ побѣда звѣря надъ святыми состоитъ или во внѣшнемъ перевѣсѣ оболщаемыхъ лжеименнымъ разумомъ надъ вѣрными Христовой истинѣ, напр. числомъ, мірскимъ значеніемъ, властію и проч., или въ томъ, что всѣхъ нападеній и изобрѣтеній лжи, направленныхъ противъ вѣры, *святые* не успѣютъ тотчасъ отразить вполне удовлетворительнымъ образомъ; или въ томъ, что вообще въ мірѣ оказывается болѣе сочувствія вѣрующему въ себя разуму человѣческому, нежели истинѣ Христовой, что даже вѣрные истинѣ далеко не столь дѣятельно и постоянно будутъ стоять за нее, сколь горячо и разносторонне будутъ стараться подкопать ее поклонники разума; или еще въ томъ наконецъ, что и вѣрные Христу христіане не скоро станутъ отдѣлять отъ области лживаго разума все свѣтящееся истиною, какъ собственность уже Христову, и потому позволять вѣрующему въ себя разуму превозноситься надъ христіанами наворованнымъ собственно въ ихъ же области богатствомъ знаній, котораго онъ только исфальшивилъ болѣе или менѣе.

Область или власть звѣря на всякомъ колѣнѣ людей, и языцъ, и племенъ, — должно разумѣть главнымъ образомъ о христіанскомъ Западѣ; ибо изъ предыдущаго (ст. 3) мы знаемъ, что именно духъ папства уступилъ сему новому Боговраждебному духу времени свою самовозносливую силу и престоль горделиво-могучаго своего преобладанія надъ міромъ, а преобладаніе папства простиралось изначала собственно на Западное христіанство. Впрочемъ столь усиленныя выраженія: *на всякомъ колѣнѣ людей, и на языцъ, и племенъ*, показываютъ, что антихристіанскій разумъ имѣлъ касаться своимъ губительнымъ дуновеніемъ и православнаго христіанства и также оказывать свое вліяніе на нехристіан-

скіе народы, впрочемъ вездѣ увлекаая и губя только тѣхъ, *имѣже не написана суть имена въ книгахъ животныхъ*, — какъ сказано въ семь же мѣстѣ.

Самыя же эти слова: *имѣ же не написана суть имена въ книгахъ животныхъ* Агнца закланнаго отъ сложенія міра, соответвуютъ (по противоположенію) слѣдующимъ мѣстамъ изъ посланій Апостола Павла: *ихъже бо предуздѣть, (тѣхъ) и предустави сообразныхъ быти образу Сына Своего, а ихъже предустави, тѣхъ и призва* и проч. (Рим. VIII, 29—30). И еще: *Благословенъ Богъ и Отець Господа нашего Иисуса Христа, якоже избра насъ въ Немъ прежде сложенія міра.... прежде нарекъ* („предопредѣливъ“) *насъ во усыновленіе Иисусъ Христомъ* и проч. (Еф. I, 3—6). Изъ соображенія этихъ мѣстъ видно, что Отець Небесный, отъ вѣчности провидя грѣхопаденіе людей и предопредѣливъ спасеніе ихъ во Христѣ, отъ вѣчности же знаетъ въ родѣ человѣческомъ и покорныхъ Своихъ чадъ, и упорныхъ противниковъ, избирая однихъ и отвергая другихъ; и что, посему, когда міръ только еще воззывался къ бытію творческимъ Словомъ, уже была всеблагая воля Божія о закланіи Агнца Божія за людей и о спасеніи ихъ чрезъ это, предназначенномъ къ усвоенію истинно вѣрующимъ изъ нихъ, за исключеніемъ провидѣнныхъ упорныхъ противниковъ и невѣровъ. И дѣйствительно, углубляясь въ тайну творенія міра, какъ она раскрывается и изображается въ словѣ Божіемъ, можно усмотрѣть, что весь міръ такъ и сотворенъ былъ, чтобы достигнуть совершенія или вѣчнаго субботаства въ любви Отца Небеснаго, существенно почивающей въ Единородномъ и имѣвшей раскрыть предъ міромъ всѣ Божественныя свои сокровища въ домостроительствѣ Его воплощенія, страданія и превознесенія Его Богочеловѣчества ¹⁾. Единородный Богъ Слово такъ и творилъ міръ, что, провидя грѣховныя его нестроенія, уже обрекалъ Себя и устремлялся на самопожертвованіе за творимый міръ. Такимъ образомъ искупительный Агнецъ—Христось Сынъ Божій былъ *заколенъ* въ опредѣленіи Отца и собственной готовности Своей уже *отъ сложенія міра*, и у Него въ книгѣ жизни или вѣчнаго спасенія, какова есть сама раскрывшаяся

¹⁾ Смотри книгу мою „О Міротвореніи“. Изъясненіе 1-ой гл. кн. Бытія.

въ Агнца Божіемъ, животворная любовь Божія, существенно почивающая въ Единородномъ, уже были предначертаны имена всѣхъ провидѣнныхъ вѣрующихъ и благопокорныхъ истинѣ, каковъ Онъ самъ, и только имена ихъ однихъ, за исключеніемъ имѣвшихъ упорно не вѣрить или измѣнить истинѣ. И вотъ звѣровидному разуму имѣли поклониться, по пророченію Тайновидца, только тѣ, чьихъ имена и нѣтъ въ книгѣ жизни у Агнца Божія, которые т. е. отъ вѣка провидѣны и осуждены, какъ мятежники противъ Христа по самой невѣрности истинѣ, которые были уже отвержены Царемъ благодати и истины, когда полагалось еще только основаніе сему міру. Вообще во всемъ разсмотрѣнномъ мѣстѣ Тайнозритель съ силою внушаетъ, что предрекаемое имъ чрезвычайное усиленіе и распространеніе антихристіанской вѣры въ разумъ человѣческій, какъ самозаконодателя и царя истины, истиннаго виновника пресгбѣнія человѣчества, вѣрнаго вождя для него къ истинному назначенію человѣчества и т. под. не едѣляетъ никакого существеннаго ущерба или стѣсненія Царству Божію. Напротивъ оно и откроется по нарочитому попущенію державы Божественной, въ осужденіе и наказаніе непокоряющихся истинѣ, а благоволящихъ въ неправдѣ, и такъ обр. послужитъ къ осуществленію вѣчныхъ плановъ Божіихъ о человѣчествѣ, положенныхъ въ основаніе самаго міра, и именно къ выполненію предопредѣленія Божія о спасеніи во Христѣ только провидѣнныхъ вѣрныхъ и покорныхъ истинѣ, съ отверженіемъ также заранѣе провидѣнныхъ и на то уже положенныхъ мятежныхъ противниковъ истины. — При всемъ этомъ вѣра наша должна имѣть въ неопустительномъ виду, что книга жизни, содержащая имена предопредѣленныхъ ко спасенію и исключаящая имена отверженныхъ, находится по разсматриваемому откровенію именно „у Агнца, закланнаго отъ сложенія міра“ за грѣшниковъ погибающихъ, а не за праведныхъ. Черезъ это наша вѣра предостерегается отъ этой нечеловѣколюбивой крайности, чтобы, прежде суда Христова, не вдаваться въ направленіе осуждать и отвергать заблуждающихъ. Въ этомъ отношеніи наша ревность по вѣрѣ должна быть въ духѣ самого владѣющаго книгою жизни Агнца Божія, Который на Себѣ вынесъ или выместилъ виновность грѣшныхъ и заблуждающихъ. Это самое сейчасъ-же далѣе и прямо вну-

шается, и притомъ съ возбужденіемъ особеннаго вниманія къ такому внушенію.

Аще кто имать уша, да слышитъ. Иже аще въ плъненіе ведетъ, въ плъненіе поидетъ; аще кто оружіемъ убіетъ, подобаетъ ему оружіемъ убіену быти. (9 и 10 ст.). Общая и основная мысль, выраженная въ этихъ изреченіяхъ, ясна: всякому, кто относится къ другимъ съ беспощадною строгостію и жестокостію, угрожаетъ и самому такая же беспощадность. •И въ самомъ дѣлѣ, беспощадность къ заблуждающимъ, простирающаяся до забвенія, что Агнецъ Божій съ Своей стороны понесетъ и ихъ вины на Себѣ вмѣстѣ съ грѣхами всего міра, должна падать уже: и на Самого Агнца Божія—Господа и за это навлекать на себя самый беспощадный судъ. Но вникнемъ глубже въ разсматриваемое мѣсто откровенія, помня, что подобнымъ воззваніемъ: *имѣяи уши слышати, да слышитъ*,—Христосъ въ Евангеліи возбуждаетъ въ Своихъ слушателяхъ особенно глубокое духовное вниманіе къ Своимъ рѣчамъ.

Раскроемъ же глубже и обстоятельнѣе смыслъ этихъ словъ: *иже аще въ плъненіе ведетъ, въ плъненіе поидетъ; аще кто оружіемъ (μαχαίρα „мечемъ“) убіетъ, подобаетъ ему оружіемъ („мечемъ“) убіену быти.* Ключъ къ точнѣйшему и обстоятельнѣйшему уразумѣнію смысла этихъ отрывочныхъ изреченій, стоящихъ внѣ видимой связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ, можно найти отчасти именно изъ связи рѣчи (контекста), отчасти изъ подобнаго (параллельнаго) мѣста Священнаго Писанія. Такъ, что касается самой связи рѣчи,—въ предшествующемъ изображеніи и особенно въ послѣднихъ чертахъ Апокалипсическаго звѣря можно примѣчать особенно рѣзкое и разностороннее воспроизведеніе именно четвертаго звѣря, видѣннаго Пророкомъ Даніиломъ вмѣстѣ съ тремя другими, также возобновившимися въ чудовищномъ Апокалипсическомъ звѣрѣ. Тогда какъ эти три звѣря обозначаются въ Апокалипсическомъ или общимъ его сходствомъ съ *рысью*, или тою либо другою частною стороною—ногами *яко медвѣдя* и устами *льва*: четвертый Даніиловъ звѣрь повторяется въ Апокалипсическомъ и по общему виду и дѣйствіямъ, и по частнымъ знаменательнымъ особенностямъ, и наконецъ по самому назначенію для него времени. Общій видъ и дѣйствія четвертаго звѣря въ Да-

ниловомъ видѣніи (VII гл.) таковы: четвертый звѣрь особенно *страшенъ и ужасенъ, и роговъ десять ему, и знаменуетъ онъ такое царство, еже превзидетъ вся царства и поятъ всю землю* (Дан. VII, 7—23). Звѣрь Апокалипсическій является также страшнымъ чудовищемъ съ 10-ю рогами, съ губительною властію *на всякомъ колѣнѣ и на языцехъ и племенехъ*. Но наиболѣе знаменателенъ на четвертомъ звѣрѣ Даниловомъ нѣкоторый особый рогъ, у котораго *уста глаголюща велика, и рогъ той творяше рать со святыми и укрѣпится на нихъ; и словеса на Вышняго возглаголетъ*, такъ еще сказано въ изъясненіе значенія этого звѣринаго рога, и *святыхъ Вышняго смирить* и проч. (Дан. VII; 8. 21 и 25). То же самое, и почти въ такихъ же словахъ, говорится и въ Апокалипсисѣ объ извѣстномъ звѣрѣ: *и даны быша ему уста глаголюща велика... и отверзе уста своя въ хуленіе къ Богу... и дано бысть ему брань творити со святыми и побѣдити я*. Самое время преобладанія Апокалипсическаго звѣря опредѣлено такое же, какое въ книгѣ Даниила назначено для свирѣпости хульнаго звѣринаго рога: *ибо время, времена и полвремени*, назначаемыя для сего послѣдняго составляютъ (какъ знаемъ уже изъ объясненія 14 ст. XII гл.) также три года съ половиною, какъ и четыредесять два мѣсяца въ Апокалипсисѣ. Итакъ ясно, что, сравнительно съ тремя другими звѣрями Даниилова видѣнія, преимущественно отобразились въ Апокалипсическомъ звѣрѣ черты четвертаго звѣря и особенно хульнаго его рога. Но четвертый звѣрь, въ Даниловомъ видѣніи, знаменуетъ то Сиро-Египетское преобладаніе надъ Ветхозавѣтною Церковію ¹⁾, когда судьба народа Божія опредѣлялась и видоизмѣнялась только расчетами и успѣхами взаимно-завистливой и состязавшейся политики Селевкидовъ и Птолемеевъ; и въ особенности хульный рогъ этого звѣря изображаетъ Антиоха Епифана, который тираннію своекорыстной политики надъ Теоократіею довель до открытаго и жестокаго гоненія собственно противъ ихъ вѣры и Богослуженія: „тогда на олтарѣ Божіемъ былъ поставленъ идолъ Юпитера Олимпійскаго, храмъ наполненъ мерзостями языческими; священныя книги, какія найдены, сожжены; исповѣдники вѣры преданы мученію, самое имя Іудея запрещено“ (смотр. Истор. Библ.

¹⁾ Смотри изслѣдованіе объ этомъ въ моей книгѣ: Св. пророкъ Даниилъ.

стр. 395). Итакъ, когда въ Апокалипсическомъ образѣ боготворимаго разума Божественное Откровеніе воспроизвело черты особенно этого, столь свирѣпаго для Ветхозавѣтной Церкви, звѣря и хульнаго его рога, то этимъ ознаменовано, что Сиро-Египетское преобладаніе и въ особенности свирѣпое мучительство Антиоха Епифана надъ Израилемъ имѣли, въ своей сущности, повториться съ преимущественною предъ другими преобладаніями (Вавилонскимъ, Персидскимъ и Еллинскимъ) губительною силою въ отношеніи къ Новому Израилю—Христіанству, и именно въ преобладаніи боготворимаго человѣческаго разума. То есть: дѣло и судьба Христіанства, подъ преобладаніемъ звѣрообразнаго разума, особенно имѣли подчиниться своекорыстнымъ разсчетамъ и насиліямъ взаимно-завистливой и состязательной политики царствъ и народовъ, и эта тираннія политики надъ Церковію имѣла дойти гдѣ нибудь, какъ при Антиохѣ Епифанѣ, даже до государственнаго запрещенія Христіанской вѣры, до открытаго гоненія противъ ея служителей и послѣдователей, и тому подобнаго. Посему объ отношеніи четвертаго Даниилова звѣря къ Сиро-Египетскому преобладанію надъ Церковію, какъ такому, которое имѣло повториться въ своей сущности, политикою почти всего позднѣйшаго политическаго міра, отдѣляющаго свою область отъ владычества Христова по требованію самовластительнаго человѣческаго разума,—и сказано было пророку Даниилу въ столь усиленныхъ выраженіяхъ ¹⁾: *Звѣрь четвертый, царство четвертое будетъ на земли, еже превзыдетъ вся царства и пояетъ всю землю и попереть ю*

¹⁾ Въдъ возвѣщенное пророками, по своему духу и сущности, назначалось не имъ самими, но намъ послужить (1 Петр. I, 12). Поэтому о томъ же Сиро-Египетскомъ преобладаніи и особенно объ Антиохѣ Епифанѣ у Даниила (въ IX гл.) предречено съ такою точностію и обстоятельностью, что пророчество совсѣмъ похоже на исторію, не достаетъ только собственныхъ именъ. Это удостовѣряетъ насъ, что какъ ни стало многосложно и обширно владычество вѣры только въ разумъ, какъ оно, повидимому, ни упрочено порядкомъ вещей въ мнимо-образованномъ и политическомъ мірѣ, всѣ видоизмѣненія и успѣхи его во всей точности предусмотрѣны и назначены Самимъ Вседержителемъ, Который, давъ раскрыться этому злу до всѣхъ его крайностей, рѣшительно испровергнетъ и упраздитъ его: предварительнымъ обращкомъ и вѣрнымъ ручательствомъ всего этого—предусмотрѣнная и назначенная съ историческою точностію въ предварительныхъ откровеніяхъ судьба Сиро-Египетскаго преобладанія.

и посчитать (VII, 23). Отсюда, для выясненія разсматриваемых апокалипсическихъ изреченій, открывается намъ, что подъ преобладаніемъ лжеименнаго разума, свойственно плѣненію и убіенію оружіемъ или мечемъ, раскрываться отъ духа до чувственной наглядности, какъ жестокому насилію своекорыстной и тираннической политики надъ христіанствомъ. Такое значеніе „плѣненія и убіенія мечемъ“ подтверждается и присовокупляемымъ тутъ же прямымъ замѣчаніемъ о злостраданіи за вѣру: *Здѣ есть терпѣніе и вѣра святыхъ*. Но загадка разсматриваемыхъ выраженій этимъ разрѣшается только еще въ половину. Остается темной еще загадкой, кто такой разумѣется здѣсь, *иже въ плѣненіе ведетъ—и оружіемъ убіетъ*, надъ которымъ и самое насиліе антихристіанской политики имѣетъ значеніе должнаго возмездія правды? *Подобаетъ ему оружіемъ убіену быти*. Само по себѣ понятно, что этихъ словъ нельзя разумѣть вообще о всякомъ, убивающемъ мечемъ или ведущемъ въ плѣнъ. Взавшій въ плѣнъ хищнаго врага, ужели и самъ за это долженъ идти въ плѣнъ? Или поражающаго по закону мечемъ нетерпимыхъ преступниковъ ужели подобаетъ также убить мечемъ? О комъ же должно разумѣть разсматриваемыя слова? Объясненіе на это есть въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія. Слова: *еще кто оружіемъ (ἐν μαχαίρῃ—„мечемъ“) убіетъ, подобаетъ ему „мечемъ“ убіену быти*,—не только по мысли, но и по буквѣ соотвѣтствуютъ слѣдующимъ словамъ Христовымъ: *вси, пріемшии ножъ (μάχαραν „мечъ“), ножемъ (ἐν μαχαίρῃ „мечемъ“) погибнутъ* (Матѳ. XXVI, 52). Но послѣднія слова сказаны Христомъ именно Апостолу Петру въ такихъ обстоятельствахъ, когда этотъ, при взятіи Господа приведенными предателемъ воинами, имѣя мечъ „извлекъ его и ударилъ имъ первосвященникова раба“ (Іоан. XVIII, 10). Беззаконной силѣ, злобно возставшей противъ Господа, ревнивый за Него Петръ захотѣлъ противопоставить силу, также управляемую не закономъ Христовымъ,—не порядкомъ правды, а самоуправствомъ, не духомъ незлобивой любви, а мстительнымъ противоборствомъ злему. „Зла неправеднаго и злобнаго насилія, какъ бы такъ сказала Господь Петру, не побѣдишь зломъ самоуправнаго противоборства, а только вызовешь противъ себя справедливую строгость призванной пресѣкать зло власти, которая не все мечъ носитъ. Всѣ, берущіеся за мечъ въ

духъ и съ цѣлями самоуправнаго противоборства, погибнуть отъ меча власти, праведно карающей самоуправство“. Таковъ общій смыслъ словъ Христовыхъ, если понимать ихъ, судя именно по случаю, на который они сказаны. Особенное значеніе Петра, какъ Апостола, самоуправно вооружившагося мечемъ, сообщаетъ еще особенную знаменательность Христовымъ словамъ. Поэтому общій ихъ смыслъ надо дополнить такими особенностями: „всѣ изъ избранныхъ благодатию Христовою служителей Церкви и слова, хотя бы то былъ и первый изъ Апостоловъ Петръ, если изъ ревности за Христа или за Его дѣло съ самоуправною безпощадностію вмѣшаются въ дѣла и способы гражданства, возьмутся за мечъ, то ни собственною ревностію за Христа, ни несправедливостями другихъ противъ Него не освободятся отъ безпощаднаго же возмездія за свое жестокое самоуправство, погибнуть отъ меча. Никого изъ такихъ не защититъ даже священный авторитетъ и первоверховнаго изъ Апостоловъ Петра“. Этотъ-то властительный и вмѣстѣ пророчесвенный судъ Христовъ Тайнозритель и указываетъ въ самомъ его исполненіи, когда говоритъ *имѣющему ухо слышати: иже аще въ плѣнненіе ведетъ, въ плѣнненіе поидетъ; аще кто оружіемъ (мечемъ) убіетъ, подобаетъ ему оружіемъ убіену быти*. На христіанскомъ Западѣ, гдѣ главнымъ образомъ и имѣло раскрыться преобладаніе разума (какъ выше мы видѣли) предстоятельство церковное, опираясь именно на авторитетъ Апостола Петра, съ безпощаднымъ самоуправствомъ вмѣшивалось въ дѣла гражданства, вооружаясь для этого не только духовнымъ, но и свѣтскимъ мечемъ; а чрезъ покореніе христіанъ самозванному главѣ Церкви, оно дѣлаетъ свободныхъ чадъ Божіихъ невольниками и плѣнниками Папства, сообщая характеръ такого же абсолютнаго преобладанія надъ ними и гражданской власти.

Сообразивъ все сказанное, можемъ такъ изложить смыслъ разсматриваемыхъ изреченій Апокалипсиса, *и имѣющій ухо слышати*, безъ сомнѣнія, услышитъ это: „боготворимый и богохульный разумъ, подчинивъ себѣ тамъ или здѣсь область политики и вообще гражданства, простретъ свое преобладаніе, раскрывающееся въ самомъ христіанскомъ мірѣ и главнымъ образомъ на Западѣ, до насилія и свирѣпости надъ христіанствомъ, до посягательства на подавленіе свободы

христіанъ, до вооруженія мечемъ противъ поборниковъ христіанскихъ началъ вѣры и Церкви, власти и порядковъ. Это впрочемъ, по отношенію къ римскому католицизму съ его главою, будетъ возмездіемъ за безошадность, съ какою оно лишало дѣтей Божіихъ свободы духа чрезъ возглавленіе ихъ въ простомъ челоувѣкѣ, съ инквизиціонною жестокостію слѣдя и убивая живыя ея проявленія, съ какою римско-католическое папство вмѣшивалось въ область гражданства, получающую свыше своихъ самостоятельныхъ дѣятелей, вводя притомъ и ихъ въ свой характеръ поработительнаго для челоувѣчества абсолютнаго своеправія. Крайности и злоупотребленія этого абсолютизма, который, во имя христіанства, держалъ бы христіанъ въ порабощеніи, какъ плѣнниковъ, и вооружался бы мечемъ противъ непокорныхъ и недовольныхъ,—и вызовутъ также поработительное и вооруженное противъ Христіанства своеволіе. Съ этой стороны совершится праведный судъ Самого Христа, пророчесственно и властительно изреченный Имъ именно Апостолу Петру, именемъ и авторитетомъ котораго злоупотребляетъ папство!“

Здѣ есть терпѣніе и вѣра святыхъ. „Съ другой стороны,— какъ-бы такъ продолжаетъ Тайнозритель, — насколько притомъ, и въ области этого односторонняго христіанства, будутъ стоять собственно за вѣру во Христа и въ духъ Его челоувѣколюбія противъ всехъ прещеній и свирѣпости поклонниковъ разума, то это будетъ уже мученическимъ терпѣніемъ, подвигомъ и торжествомъ вѣры, и такіе—будутъ ли то пастыри или простые вѣрующіе,—достойны имени и славы святыхъ. Тѣмъ болѣе это должно сказать о православныхъ, которымъ пришлось бы пострадать отъ мучительства слѣдующихъ звѣрообразному разуму. Так. обр. *здѣ есть терпѣніе и вѣра святыхъ*“.

Прослѣдимъ дѣйствія и того провозвѣтника антихристіанскаго разума, при помощи котораго послѣдній имѣлъ достигнуть столь обширнаго и губительнаго преобладанія въ христіанскомъ мірѣ, и главнымъ образомъ на Западѣ.

И видѣхъ много звѣря, восходяща отъ земли (ст. 11). Общее значеніе этого *много звѣря*, служащаго лжепророкомъ перваго, мы уже знаемъ: это вольномысленная литература Запада, взятая въ совокупности и со всею областію лжемыслен-

наго просвѣщенія, насколько она идетъ противъ Христовой истины и духа. *Земля* означаетъ государственное устройство, общественныя учрежденія, гражданскую вообще область. Посему выходъ этого другого звѣря изъ земли значить слѣдующее: мѣстомъ происхожденія и развитія вольномысленной литературы на Западѣ, имѣла быть область гражданственности или, въ обширномъ смыслѣ слова, цивилизаціи, подобно какъ первый звѣрь возникъ и развился въ морѣ случайностей и коловратностей общественной и міровой жизни.

И имѣяше рога два подобны Агнчимъ. Агнецъ въ Апокалиписѣ нѣсколько разъ упоминается какъ символъ Самого Христа; въ семь значеній говорится объ Агнцѣ почти рядомъ съ настоящимъ мѣстомъ (ст. 8). Посему подобные агнчимъ рога, находящіяся у звѣря вольномысленной науки Запада, означаютъ притязанія ея на характеръ и значеніе собственно христіанской науки, стремленіе напр. поддѣлаться подъ живительный человѣколюбивый *духъ* и отчетливую *истину* христіанства,—поборничество по христіанскимъ, съ виду, идеямъ филантропіи и гуманности, всеобщаго братства, духовнаго разумнаго усовершенія и тому подобнаго.

И глаголаше яко змій. Змій собственно есть самъ дьяволъ или сатана оболститель, какъ изъяснено это въ самомъ Апокалиписѣ выше (XII, 9); по отношенію же къ проявленіямъ и кознямъ сего врага Божія въ судьбахъ Христовой Церкви, *змій* является въ Апокалиписѣ горделивый духъ папства, насколько послѣднее берется въ своихъ высокоумѣрныхъ притязаніяхъ и заблужденіяхъ. Итакъ, говорить какъ змій свойственно неправомысленной Западной наукѣ въ томъ смыслѣ, что она дьявольски льстиво будетъ развивать и выражать лжеименныя знанія, провозглашая въ то же время свои антихристіанскіе уроки и приговоры съ притязаніями на духовное властвительство во вселенной.

И власть перваго звѣря всю творяше предъ нимъ, (ст. 12). Предъ кѣмъ? теченіе рѣчи показываетъ, что предъ самимъ первымъ звѣремъ ¹⁾ (какъ ниже въ 14 ст., и прямо это означено). Выше (ст. 3) сказано было, что, по испѣленіи на семь звѣрѣ смертельной язвы, *чудися вся земля въ слѣдѣ*

¹⁾ По-гречески: *καὶ τὴν ἐξουσίαν τοῦ πρώτου θηρίου πᾶσαν ποιῆ ἐνώπιον αὐτοῦ.*

звѣря, т. е. произведено было удивленіе по всей землѣ, увлекающее всѣхъ въ слѣдъ (*ὀπίσω*) звѣрообразнаго разума. Теперь откровеніе показываетъ, что такому обоготворенію человѣческаго разума имѣла способствовать противохристіанская литература, провозглашая и раскрывая на дѣлѣ все обольстительное его могущество, т. е. развивая изъ его началъ всѣ роды знанія и заправляя, по его духу, всѣмъ разнообразіемъ жизни, въ удовлетвореніе извращеннымъ потребностямъ времени, и потому къ утвержденію преобладанія его надъ временемъ. Такъ этотъ звѣрь *власть перваго звѣря всю творяше предъ нимъ* (*ἐνώπιον αὐτοῦ*,—впереди его“).

И творяше землю и вся живущая на ней поклонитися первому звѣрю, емуже исцѣлена бысть язва смертная. Выше (ст. 4) было уже сказано, что по всей землѣ поклонились первому звѣрю, когда смертная его язва исцѣлѣла. Тамъ были нами объяснены эти понятія. Теперь откровеніе показываетъ, что именно антихристіанская литература, раскрывая начала и льстивую силу боготворимаго разума, имѣли распространить и утвердить на землѣ общественныхъ порядковъ и вообще политическаго міра вѣру въ сей разумъ, какъ независимаго отъ слова Божія обладателя и творца истины.

Сверхъ того—выраженіе: *землю и вся живущая на ней*, по сличенію съ словами Апостола Павла: *умертвите уды ваша сущія на земли, блудъ, нечистоту* и проч. (Кол. III, 5) показываетъ, что поклонниками человѣческаго разума содѣлались именно такіе люди, которые и прежде уже мудрствовали земное или мірское, утративъ направленіе мыслей и дѣлѣ собственно къ небесному,—Христову. Но такъ какъ основаніемъ и поводомъ къ такому направленію христіанъ послужило, какъ знаемъ изъ изслѣдованія XII-ой гл. папство, низвергнувъ третью часть звѣздъ небесныхъ съ неба на землю мірскихъ царствъ (XII, 4); то открывается, что звѣрообразная литература имѣла раскрыть въ самомъ дѣйствиіи всю власть звѣрообразнаго разума—собственно среди государствъ западнаго христіанства.

И сотвори чудеса велика, да и огонь сотворитъ сходити съ небесе на землю предъ чловѣки (ст. 13). *Чудеса велика* или, какъ далѣе сказано, *знаменія*, творимыя этимъ антихристіанскимъ звѣремъ, безъ сомнѣнія, принадлежать къ роду зна-

меній и чудесъ ложныхъ, какими по преимуществу ознаменуется явленіе и самого Антихриста (2 Сол. II, 9). Это такія чудеса и знаменія, которыя въ своей чрезвычайности имѣютъ только наружный видъ чудеснаго и притомъ направляются къ затемнѣнію и униженію истинныхъ Божіихъ чудесъ, къ возбужденію вѣры во врага Божія вмѣсто самого Бога. По отношенію къ антихристіанской литературѣ и вообще книжности, какъ провозвѣстнику боготворимаго разума, подобныя чудеса состоятъ въ чрезвычайныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, въ различныхъ образахъ и видахъ подчиненія человѣческому разуму природы, но взятыхъ не въ самомъ своемъ существѣ, а единственно насколько все это направлялось бы къ славѣ не Христа Бога, а самого разума, къ ослабленію вѣры въ истинныя чудеса и т. п. Сведеніе огня съ неба на землю въ области истинныхъ чудодѣйствій составляетъ особенно поразительное чудо, а посему въ отношеніи къ ложнымъ чудесамъ и знаменіямъ, подобное явленіе есть образъ чрезвычайной поразительности этихъ лживыхъ чудесъ, увлекающихъ людей къ вѣрѣ въ собственный разумъ. По особенному же значенію употребленныхъ здѣсь образовъ (неба, земли и огня), извѣстному намъ изъ прежнихъ изслѣдованій, оказывается, что антицерковная литература успѣетъ, повидимому, съ благодатнаго неба церковнаго восхитить и свести на землю мірской гражданственности воспламенительную для согласныхъ и истребительную для противниковъ силу огня духовнаго: такъ она будетъ многодѣйственна къ обольщенію людей своими чарами. Впрочемъ наука Запада имѣла достигнуть того, чтобы и буквально сводить огонь съ неба на землю, разрѣшая небесное электричество, привлекая его къ землѣ и т. п. „Умомъ громамъ повелѣваю“, такъ объ успѣхахъ науки сказалъ русскій поэтъ въ славу Бога; тогда какъ Западная наука относилась то же къ славѣ самого обожаемаго человѣческаго разума. Сими то чудесами противохристіанской книжности, имѣвшей послужить провозвѣстникомъ или пророкомъ боготворимаго разума, вполне объясняются выше приведенныя возгласы поклонниковъ разума: „кто подобенъ сему звѣрю? кто можетъ ратоваться съ нимъ?“

И льститъ живущія на земли ради знаменій, яже даны быша ему предъ звѣремъ творити, глаголя живущимъ на земли

сотворити образъ звѣрю, иже имать язву оружную и живъ бысть (ст. 14). Почти всё здѣсь понятія уже были изъяснены выше. Неизвѣстно только значеніе образа звѣринаго. Но и это новое понятіе объясняется само собою, при сопоставленіи его съ ясными понятіями. Созданный по урокамъ и успѣхамъ противъ христіанской литературы и вообще книжности, „образъ“ Боготворимаго разума, поражаемаго мечемъ слова Божія, но совершенно вышедшаго изъ послушанія слову Божію, есть ничто иное, какъ ложная противохристіанская образованность со всѣми своими условіями и требованіями. Какъ образъ именно *разума*, эта образованность должна быть по преимуществу умственная, оставляя въ небреженіи или только подводя подъ умственный, такъ сказать, доскъ—прочія духовныя силы; какъ притомъ только *образъ*, а не самое существо разума, эта мірская образованность должна состоять главнымъ образомъ въ наружной утонченности ума; какъ образъ извѣстнаго звѣрообразнаго разума, эта фальшивая образованность чужда истинной человѣческой разумности, отличаясь впрочемъ картинностію *барса*, властительнымъ благородствомъ (собственно на словахъ) *льва*, сластолюбіемъ *медвѣдя*, саркастическимъ злословіемъ *жульнижъ устъ*. Всѣ эти характеристическія черты боготворимаго разума должны конечно отпечатлѣться въ его образѣ, который имѣлъ устроиться въ мірскихъ обществахъ подъ вліяніемъ обольстительной литературы.

И дано бысть ему дати духъ образу звѣриному, да проглаголетъ икона звѣрина, и сотворитъ, да иже аще не поклонятся образу звѣриному, убіени будутъ (15 ст.). *И дано бысть ему*, т. е. этому лжепророку боготворимаго разума противохристіанской литературы нарочито поущено Промысломъ въ наказаніе не любящихъ истины, а вмѣстѣ и въ испытаніе вѣры,—*дати духъ образу звѣриному*, т. е. такъ одушевить, въ такой живой ходъ пустить и такъ настроить общественную образованность, сообразующуюся съ лжеименнымъ разумомъ,—*да проглаголетъ икона звѣрина и сотворитъ*; по-гречески *ἵνα καὶ λαλήσῃ ἢ εἰκόσιν τοῦ θηρίου καὶ ποιήσῃ* „чтобы образъ звѣря и говорилъ и дѣлалъ“, т. е. чтобы мнимая образованность и требовала голосомъ своихъ общепринятыхъ условій, и на дѣлѣ такъ обнаруживалась,—*да, иже аще не поклонятся образу звѣриному, убіени будутъ*. Это значить,

что всякій, кто не захотѣлъ бы боготворить этого идола западно-европейской образованности, не захотѣлъ бы предпочитать обычаевъ и требованій ея Христову закону, лишился бы всякаго живого значенія въ обществѣ, изгнанъ бы изъ ряда настояще-живыхъ для своего вѣка людей подъ разрядъ людей, отжившихъ свой вѣкъ, отсталыхъ, или же не живущихъ дѣйствительною жизнью, а только мечтающихъ, безумныхъ и т. под. Все это и подобное относится къ различнымъ видамъ того, какъ преобладающая и горделивая ложь можетъ *убивать* пренебрегающихъ и попирающихъ ее. Впрочемъ изъ предъидущаго (именно изъ 10 ст.) видно, что ярость поклонниковъ разума, а слѣдовательно и поклонниковъ олицетворяющей или копирующей его же самого образованности, имѣла доходить до открытаго гоненія на святыхъ, до *убіенія* ихъ и въ смыслѣ собственномъ.

И сотворитъ вся малыя и великія, богатыя и убогія, свободныя и работныя, да дастъ имъ начертаніе на десный руцѣ ихъ, или на челахъ ихъ (16 ст.). *Начертаніе „хара҃҃ца“*, производимое неправомысленной литературою, есть, безъ сомнѣнія, не внѣшнее или чувственное, но духовное, мысленное и нравственное. *Десная рука*, какъ главное орудіе и видимый производитель внѣшней человѣческой дѣятельности, потому и знаменуетъ образъ и направленіе этой внѣшней дѣятельности. *Чело*, сѣдалище мысли, работная храмнина ума, служить посему представителемъ образа мыслей или умственныхъ воззрѣній на вещи. Посему общій смыслъ стиха такъ можно изложить: кого только ни коснется противохристіанская словесность и вольномысленная ученость своимъ вліяніемъ, хотя бы то въ самыхъ начаткахъ ученія, предлагаемыхъ *малымъ, убогимъ и работнымъ* людямъ,—на всѣхъ такихъ, на *малыхъ и великихъ, на богатыхъ и убогихъ, на рабахъ и свободныхъ* эта антихристіанская въ духѣ литература и книжность непременно положитъ свой отпечатокъ или въ правилахъ и образѣ внѣшней дѣятельности, или въ началахъ и образѣ умственныхъ воззрѣній на вещи. И въ самомъ дѣлѣ свѣтомъ и началомъ умственныхъ воззрѣній, при усвоеніи даже начатковъ неправомысленной книжности, будетъ уже не истина Христова, а идеи или разные призраки вѣрующаго въ себя человѣческаго ума; равно правиломъ и судіею внѣшней дѣятельности будетъ уже не законъ

Христовъ, а собственные расчеты и личные виды, или другіе идолы вольномысленнаго и своевольнаго самолюбія.

Да никтоже возможетъ ни купити, ни продати, токмо кто имать начертаніе, или имя звѣря или число имени его (17 ст.). Здѣсь слѣдуетъ загадка за загадкой. Что сказать объ имени звѣря? Какъ опредѣлить и понять число имени его? Что такое значить *покупать и продавать* подъ вліяніемъ и распоряженіемъ антихристіанскаго разума? Въ отношеніи къ Царству Божію торговый оборотъ означаетъ, какъ объяснено въ притчѣ о талантахъ, употребленіе данныхъ отъ Бога талантовъ для приращенія ихъ. Подобно сему въ отношеніи къ міру все, что удобно пустить въ ходъ и употребленіе между людьми, что всѣми охотно перенимается и въ продолженіе времени усердно ими умножается и развивается, все это есть предметъ выгодной *продажи* съ одной стороны и *купли* съ другой. Начертаніе, полагаемое обольстительною литературою, есть, какъ было объяснено, самовольное, несогласное съ христіанствомъ, направленіе мыслей или поступковъ. *Имя звѣря*, по извѣстному значенію сего звѣря, можетъ имѣть и проявлять тотъ, кто получаетъ извѣстность антихристіанскою независимостію своего разума, кто слыветъ человѣкомъ ума, не преклоняющагося ни предъ какимъ авторитетомъ, не связаннаго узами вѣры. *Число* прежде всего даетъ мысль о строгой, математической точности: *число* извѣстнаго имени есть такое число, на которое переложено или въ которое переведено это имя; посему число имени скрываетъ за собою самое имя, однако имѣетъ въ себѣ все содержаніе, всю силу этого имени. Итакъ *число имени звѣря* имѣетъ тотъ, кто хотя и не слыветъ человѣкомъ вольномысленнаго ума, и не обнаруживаетъ въ себѣ открыто антихристіанскихъ правилъ и началъ, но тѣмъ не менѣе, если судить съ строгою точностію, не держится Самого Христа и Его благодати, Его духа. Теперь общій смыслъ всего мѣста можно такъ изложить: „противохристіанская литература сдѣлаетъ въ области своего звѣрскаго преобладанія то, что только ознаменованное печатію вѣрующаго въ себя разума пойдетъ въ ходъ и употребленіе всеобщее, будетъ охотно перенимаемо другъ у друга, и такъ обр. имѣетъ расти и размножаться; только такіе люди будутъ приобрѣтать общее вниманіе и сочувствіе, удовлетво-

рять извращеннымъ потребностямъ общества, которые въ своемъ образѣ мыслей и нравственномъ характерѣ обнаружатъ отпечатокъ вольномысленной науки, или будутъ почитаться за людей независимаго отъ вѣры ума, или которые съ строгою точностію относятся къ тому же числу только по внутреннему отпаденію отъ духа Христова, хотя бы они открыто и не дѣйствовали отъ имени звѣровиднаго разума“. Этимъ объясняется и то преобладаніе этого врага надъ святыми, о которыхъ выше (ст. 7) было сказано.

Здѣь мудрость есть (ст. 18). Это выраженіе, по сличенію его съ подобнымъ, выше нами рассмотрѣннымъ: *здѣь есть терпѣніе и вѣра святыхъ* (ст. 10), можетъ быть такъ изложено въ общемъ своемъ смыслѣ: „вотъ гдѣ мѣсто мудрости, вотъ гдѣ будутъ развиваться знанія, искусства, цивилизація, вообще все, входящее въ понятіе *мудрости*“. Глубина этого апокалипсическаго замѣчанія раскрывается изъ того, что чрезъ это замѣчаніе Откровеніе рѣшительно отличаетъ отъ звѣрей—антихристіанскаго разума и его провозвѣстника и отъ всего звѣринаго—числа, образа и напечатлѣнія въ умѣ и дѣятельности,—самую *мудрость* и слѣдовательно всякій свѣтъ знанія, выясняющій въ чемъ бы то ни было истину, всякій видъ просвѣщенія, дѣйствительно усовершенствующаго умъ и облагороживающаго духъ человѣка. Пусть все это будетъ развиваться въ средѣ звѣринаго преобладанія умственнаго и словеснаго, міра созерцательнаго и практическаго; но звѣрству антихристіанской рациональности и образованности принадлежитъ собственно только антихристіанское направленіе или отступнической отъ Христа духъ разумѣнія и образованія. Самое же разумѣніе и образованіе, или вообще *мудрость*, не слѣдуетъ смѣшивать ни съ чѣмъ звѣринымъ,—довольно того, что эта мудрость будетъ водворяться и раскрываться въ средѣ звѣриной, подобно вождю мудрыхъ Даніилу, брошенному въ ровъ звѣриный; *здѣь мудрость есть*. Око Божіе видитъ все, что, и подъ преобладаніемъ антихристіанскаго направленія разума и слова, образованія и цивилизованной жизни, отмѣчено печатію искренней любви къ истинѣ и возвышается надъ горделивымъ самообольщеніемъ къ истинной разумности, къ основательному разумѣнію, къ дѣйствительному изощренію и просвѣщенію силъ духовныхъ. На все подобное и въ средѣ пре-

обладающаго духовнаго звѣрства, Откровеніе Божіе указываетъ, какъ на принадлежность уже *мудрости*. *Здѣ мудрость есть!*

И въ самомъ дѣлѣ, среди звѣриной наглости самомнительнаго и мнимаго разумѣнія, хулящей все святое, свойственно въ правдолюбивыхъ умахъ и душахъ открываться духу или направленію основательно и правдиво *испытывать все*, или здравомысленно *судить обо всемъ*, а такое направленіе есть уже вѣяніе Духа мудрости (см. 1 Кор. II, 7—11 ст.). Равно, если *истина Господня пребываетъ во вѣкъ*, и не можетъ быть не только испровергнута, но и поколеблена никакими усиліями суетумудрія; то выше изображенное преобладаніе антихристіанскаго разума и слова представляетъ и поводъ, и вопіющую потребность для вѣры въ истину и любви къ ней, чтобы истину, сколько можно глубже и разностороннѣе, раскрывать къ обличенію и разсвѣянію всякой тьмы лжемудрія, чтобы свѣтомъ истины озарять всякую область бытія и мысли, превращаемую неправомысліемъ, чтобы въ глубинахъ истинной премудрости находить въ самой существенности и въ преизобиліи то, чего только призраками увлекаетъ ложная противохристіанская мудрость. Но чтобы намъ еще точнѣе и глубже проникнуть въ то, какой именно мудрости время и мѣсто *здѣ есть*, вспомнимъ слова Апостола Іакова о мудрости: *кто премудръ и художъ въ васъ, да покажетъ отъ добраго житія дѣла своя въ кротости и въ премудрости. Аще зависть горьку имате и рвеніе въ сердцахъ вашихъ, не хвалитесь, не ложите на истину. Нѣсть сія премудрость свыше нисходяща, но земна, душевна, бѣсовска. А яже свыше премудрость, первое убо чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодовъ благихъ, несумнѣнна (безпристрастна) и нелицемѣрна* (Іак. III, 13—15—17), и также слова Апостола Павла о знаніи: *аще ли кто мнится видѣти что, не у что разумъ, якоже подобаетъ разумѣти* (1 Кор. VIII, 2); *аще имамъ пророчество и вѣмъ тайны вся и весь разумъ... любви же не имамъ, ничтоже есмь* (XIII, 2). Итакъ мудрость, съ точки зрѣнія слова Божія, съ какой слѣдовательно она созерцается и въ Апокалипсисѣ, есть не просто мысленная, словесная или письменная, какихъ бы глубинъ истины она ни касалась и ни раскрывала, но мудрость, при всемъ богатствѣ и глубинѣ знанія, *не у что видѣти мнящаяся, дыща-*

пчая благодатною любовію къ Богу и людямъ, и потому чистая, кроткая, мирная, благопокорливая, исполненная милосердія и проч. Именно такая *мудрость здѣ* благопотребна и должна быть, чтобы, подѣ ея руководствомъ, не допустить ни въ образѣ мыслей, ни въ нравственномъ характерѣ начертанія лжеименнаго знанія, чтобы попрасть и имя самонительнаго и гордаго, но лживаго разума, чтобы не быть единочисленникомъ съ идолопоклонниками мнимаго разума, по возможности, въ самыхъ внутреннихъ и сокровенныхъ своихъ движеніяхъ. Видно, что, по крайней мѣрѣ, инстинктивныя вѣянія показаннаго направленія или характера мудрости имѣли проявляться и въ средѣ преобладанія звѣрнаго надъ разумомъ и литературой, въ изыскателяхъ истины и дѣятеляхъ цивилизаціи, насколько они водились бы искреннею любовію и самоотверженною вѣрностію къ истинѣ.

Для окончательнаго раскрытія понятія о мудрости, отличаемой въ Откровеніи отъ звѣрообразія и слѣд.—мудрости истинной и Богосвѣтлой, должно намъ имѣть въ благоговѣйномъ вниманіи слѣдующія слова Апостола Павла о премудрости въ самомъ ея существѣ и въ неизслѣдимыхъ ея глубинахъ: *худородная міра и уничтоженная избра Богъ и несущая, да сущая упряднитъ, яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ, изъ Него же вы есте о Христѣ Исусѣ, иже бысть намъ премудрость отъ Бога* (1 Кор. I, 28—30), и еще: *премудрость же глаголемъ въ совершенныхъ: премудрость же не вѣка сего, ни князей вѣка сего престающихъ: но глаголемъ премудрость Божію въ тайнѣ сокровенную, юже представи Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу, юже никтоже отъ князей вѣка сего разумѣ. Но яко же есть писано: ижеже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человеку не въздоша, яже уготова Богъ любящимъ Его. Намъ же Богъ открылъ есть Духомъ своимъ: Духъ бо вся испытуетъ и глубины Божія* (II, 6—10). И еще: *да Богъ Господа нашего Исуса Христа, Отецъ славы, дастъ вамъ Духа премудрости и откровенія въ познаніе Его: просвѣщенна очеса сердца вашего, яко увѣдѣти вамъ, кое есть упованіе званія Его, и кое богатство славы достоянія Его во святыхъ, и кое преспѣющее величество силы Его въ насъ вѣрующихъ по дѣйству державы крѣпости Его, юже содѣя о Христѣ, воскресивъ Его отъ мертвыхъ и посадивъ одесную Себе*

на небесныхъ и проч. (Еф. I, 17—20). *Да дастъ вамъ по богатству славы своея силою утвердиться Духомъ Его во внутреннемъ чловѣцѣ, вселится Христу върою въ сердца ваша: въ любви вкоренени и основани, да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота и глубина и высота. разумѣти же преспѣвающую разумъ любовь Христову, да исполнитесь во всяко исполненіе Божіе (III; 15—19).* Приникнемъ и къ симъ словамъ Христовой молитвы къ Отцу: *да разумѣетъ міръ, яко Ты Мя послалъ еси и возлюбилъ еси ихъ, яко Мене возлюбилъ еси (Іоан. XVII, 23); и сказахъ имъ имя Твое, и скажу, да любы, еуже Мя возлюбилъ еси, въ нихъ будетъ и Азъ въ нихъ (26).* Нужно, чтобы премудрость Божественная и въ такихъ своихъ глубинахъ и въ такой внутренней своей области, т. е. какъ всеобъемлющая, всетворческая и вседержавная любовь Отца Небеснаго, существенно почивающая и сіяющая въ Единородномъ по Божеству Его и раскрывшая въ Его Богочеловѣчествѣ безмѣрная сокровища Своей благодати для пріемлющихъ,—нашла благопотребные сосуды къ созерцаію или хоть только къ ощущенію свѣтоносныхъ Ея таинъ и всеобъемлющей державы и силы. Ибо *здѣ мудрость есть*, такая, которая противопоставляется звѣрообразному разуму, хулящему Бога и *имя Его и селеніе Его и живущая на небеси*, и слѣдовательно богохульно извращающему всю высоту и глубину Божественной истины,—имѣющему своего, вооруженнаго своего рода чудесами и знаменіями, провозвѣстника въ антихристіанской литературѣ, овладѣвающей чрезъ науку тайнами міра и силами природы,—отображающемуся въ живомъ и почти всѣми чтимомъ идолѣ Христовраждебной образованности,—на однихъ полагающему собственный рѣзкій, теоретическій или практический, отпечатокъ, другимъ дающему извѣстность пѣдь его же именемъ, иныхъ подчиняющему своему же числу чрезъ сокровенныя увлеченія отъ Христова духа. Но по этимъ же самымъ особенностямъ преобладающаго и открыто, и сокровенно лжемудрія, здѣсь по преимуществу должно осуществиться Апостольское слово: *никтоже себе да прельщаетъ: аще кто мнитися мудръ быти въ вѣцѣхъ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ. Премудрость бо міра сего буйство у Бога есть (1 Кор. III; 18—19).* Итакъ *здѣ мудрость есть*, могущая раскрываться и научнообразно, но въ полной духовной

силѣ и зрѣлости обрѣтающаяся едва ли только не между мнимо-буими въ то время, когда *глаголющійся быти мудри обзюродѣша*, а то, и въ области самой науки, свѣтящая во тьму суемудрія безсознательно и безотчетно со стороны людей науки. Вотъ какой выходъ изъ темной области преобладанія лжеименнаго разума и знанія во время этого самаго преобладанія имѣлъ открыться,—выходъ въ свѣтъ истины, въ область разумѣнія и ощущенія любви Божіей, раскрытой во Христѣ Богочеловѣкѣ: *здѣ мудрость есть*.—Но повторимъ: само собою разумѣется, что словами: *здѣ мудрость есть*, означается и все то, въ чемъ хотя бы безотчетно и инстинктивно проявлялась та или другая сторона мудрости, какъ выше объяснена послѣдняя.

Иже имать умъ, да почитетъ число звѣрино; число бо чело-вѣческо есть, и число его шестьсотъ шестьдесятъ шесть. Сначала объяснимъ смыслъ сего мѣста, не касаясь значенія загадочнаго числа; а потомъ изъяснимъ значеніе и самаго числа.

Иже имать умъ, τὸν νοῦν, т. е. кому дано опредѣленно и точно понимать и выражать предметы Христовой истины или вѣры; ибо въ семъ смыслѣ употребляется это слово *νοῦς*: въ Священномъ Писаніи напр. *помолюся умомъ, воспою умомъ* (*τῷ νοῦ*), т. е. помолюся и воспою, разумѣя предметы благоговѣйнаго воспѣванія и молитвы съ опредѣленностію и раздѣльностію (1 Кор. XIV, 15). Въ настоящемъ мѣстѣ подъ *умомъ* разумѣется даръ опредѣленно понимать и выражать предметы собственно Іоаннова откровенія: ибо предлагается этому *уму* разрѣшить особенно загадочную черту этого откровенія,—растолковать *число звѣря*. Обращеніе рѣчи къ „имѣющему умъ“, вслѣдъ за указаніемъ: *здѣ мудрость есть*, показываетъ, что разрѣшеніе или истолкованіе тайнъ Апокалипсиса предназначено ко времени и мѣрамъ противоста-нія преобладающему лживому разуму и относится къ знанію истинной мудрости. Число вообще даетъ мысль о строгой точности, какъ уже былъ случай намъ говорить объ этомъ. Число *звѣрино*, т. е. число имени звѣря, какъ сказано въ предъидущемъ стихѣ, это, какъ уже объяснено нами, есть такое число, въ которое переведено самое имя звѣря и которое, потому, содержитъ въ себѣ всю силу и значеніе этого звѣринаго имени, не выставляя на видъ самаго имени. Вы-

раженіе, что число звѣриное *число человеческо есть*, даетъ мысль прежде всего о томъ, что это число подлежитъ одному изъ обыкновенныхъ человѣческихъ способовъ исчисленій (въ такомъ смыслѣ ниже въ XXI гл. 17 ст. *мѣра* для измѣренія новаго Иерусалима названа также *человѣческою*). Кроме того, изъ сопоставленія *числа человеческого съ числомъ звѣринымъ*, составляющимъ число имени звѣря (ст. 17), можно заключить, что и *число человеческо, ἀριθμός ἀνθρώπου*, есть также число имени человѣка. Какого человѣка? Не личности опредѣленной, но вообще человѣка такого, въ которомъ находить мѣсто и воображается, раскрывается своею силою такъ или иначе оный звѣрь. Ибо къ числу человѣческому приравнивается здѣсь число самого звѣря: *да почитеть число звѣрино, число бо человеческо есть*.

Да почитеть число: Самое число опредѣлено далѣе: 666. Слѣдовательно здѣсь рѣчь о такомъ исчисленіи, или сочтеніи, чрезъ которое должно опредѣляться самое имя, переложенное здѣсь въ число 666. Итакъ смыслъ мѣста можно вообще такъ изложить: „кто, къ обличенію лжи свѣтомъ истины, точно и опредѣленно разумѣетъ образы и предметы въ Апокалипсисѣ и слѣдовательно значеніе звѣря, тотъ долженъ угадать по числу (666) и самое имя звѣря, переложенное въ это число. Ибо въ это число, съ строгою точностію и по простому человѣческому счисленію, переложено имя не какого-либо небывалаго чудовища, но имя человѣка, въ которомъ звѣровидный разумъ воображается“.

Опредѣлимъ теперь значеніе и самага числа 666. Способъ къ переложенію *имени* въ *число* и обратно къ разрѣшенію *числа* въ *имя*, можетъ опредѣлиться и изъясниться изъ того, что тѣ же буквы, которыми начертывается *имя* или которыми обозначается извѣстная совокупность и соотношеніе звуковъ, входящихъ въ произносимое *имя*,—служать (и употреблялись издревле) вмѣстѣ и знаками чисель. Посему число 666 есть сумма тѣхъ чисель, которыя означаются буквами, входящими въ составъ искомага имени,—имени звѣря.

Въ настоящемъ случаѣ должны быть взяты буквы и имя изъ греческаго языка: ибо Апокалипсисъ писанъ по гречески; и тамъ, гдѣ что-либо берется съ другого языка, Апостоль Іоаннъ прямо обозначаетъ это, напр. *Еврейски Авад-*